

Иннокентий Анненский. Генрих Гейне и мы

(1856-1906)

Серия "Литературные памятники"

Иннокентий Ф. Анненский "Книги отражений", М., "Наука", 1979

OCR Бычков М.Н.

Лет шесть тому назад в Париже на кладбище Монмартра можно было еще видеть серую плиту. На ней стояло только два слова "Henri Heine". Всего два, и то иностранных, слова над останками немецкого поэта; два слова, оставленные стоять в течение целых 45 лет на камне, в хаосе усыпальниц парижской бедноты... О, у немцев, очевидно, был не один, а много поэтов, которые назывались Генрих Гейне! Я не думаю, конечно, чтобы поэты так уж нуждались в чьей-нибудь признательности, тем более посмертной, да еще в виде такой претенциозной нелепости, как мавзолей {1}.

Но грустно думать, что для поэта не нашлось даже каменных слов на том языке, которому он сам оставил венок бессмертной свежести.

Можно, пожалуй, предположить, что не только соотечественники Гейне, но и вообще все люди, думающие по-немецки, так прочно и раз навсегда обиделись на его выходки против орла Гогенцоллернов или знамени Фридриха Барбаруссы {2}, что в их глазах для кары Гейне оказалось мало даже его двадцатилетнего изгнания {3}. Когда-то Прометей горько оскорбил отца богов профанацией его стихии: он был сурово наказан, но тот же Зевс родил и героя, положившего конец пытке титана. Неужто же олимпийцы оказались менее злопамятными, чем бюргеры Дюссельдорфа и Франкфурта?

В настоящее время, благодаря покойной австрийской императрице, могила Гейне украшена достойно ее червей {4}, но оценка автора "Германии" на его родине далеко не свободна еще и теперь от горечи оскорбленных им когда-то патриотов, фарисеев и тупиц.

Последние двадцать с лишком лет проведены были Гейне среди французов, и между французами у него было немало друзей.

Безумный Жерар де Нерваль {5} отмечал Гейне его германизмы, а Т. Готье не только восхищал его, но влияние этого несравненного художника, несомненно, сказалось и на эстетизме "Романцера".

Тем не менее французы никогда не считали его своим. Он не был для них даже Тургеневым или Мицкевичем.

Среди немцев они и Бисмарка и Ницше считают гораздо родственнее себе по духу, чем рейнского трубадура.

Большой Гейне обмолвился как-то, говоря о Франции, такой фразой:

"Легкость этого народа меня утомляет", - и вот через полвека после его агонии французы все еще не могут забыть этой фразы.

Если Гейне кого-нибудь боготворил, кроме женщин, которыми хотел обладать, так разве одного Наполеона.

И сколько же французы до сих пор не могут простить ему этого: гренадеры и барабанщики Гейне не менее, чем беранжеровские grand'mer'ы {Бабушка (фр.).} {7} вызывают у французов, переживших Вторую империю, невольную горечь; при этом некоторые из них, желая прикрыть свое недовольство, умудряются расслушать в бряцании наполеоновской легенды даже отзвуки "старых счетов еврейского квартала". Поляки? Но простят ли они когда-нибудь Гейне его Краплинского {8}?

Если есть - не решаюсь сказать народ, но общество - интеллигенция, - которой Гейне, действительно, близок по духу и у которой нет, да и не может быть с ним никаких политических счетов, - так это, кажется, только мы, русские. Особенно в шестидесятые годы и в начале семидесятых мы любили Гейне, пожалуй, больше собственных стихотворцев.

Кто из поэтов наших, начиная с Лермонтова, не переводил Гейне (Майков, Фет, Алексей Толстой)? Гейне имел даже как бы привилегированных русских переводчиков, тесно связавших с его поэзией свои имена: таковыми были М. Л. Михайлов {9} и ныне здравствующий П. И. Вейнберг {10}. Правда, русские всегда понимали Гейне своеобразно, но что мы не только чувствовали его обаяние, а провидели его правду лучше других народностей, - это не подлежит сомнению.

И на это было много причин. Во-первых, русскому сердцу как-то трогательно близко все гонимое, злополучное и страдающее, а таков именно Гейне.